

ВИТ КЛЕЙМС

ТРЕЩИНА

THE FRACTURE

2026

Вит Клеймс

Трещина. The Fracture

«Автор»

2026

Клеймс В.

Трещина. The Fracture / В. Клеймс — «Автор», 2026

Дэвид Кроу — гений-самоучка, прикованный к инвалидной коляске, бывший полицейский и эксперт по кибербезопасности. В тишине своего гаража он создаёт то, что изменит мир: «Genesis» — децентрализованную систему цифровых денег, не требующую доверия. Под псевдонимом Сатору Накамура он запускает цепочку блоков и исчезает в тени, оставив после себя только код и молчание. Но у Дэвида есть партнёр — амбициозный австралиец Клэйтон Роуэн, который жаждет славы. И есть брат Арни, который не понимает кода, но понимает, что память брата нужно защитить. Когда Дэвид умирает, Клэйтон выходит на сцену и заявляет: «Я — Сатору». Мир верит. Арни — нет. «Трещина. The Fracture» — это история о Создателе, который выбрал тень; о Партнёре, который попытался присвоить имя; о Брате, который нашёл в ящике с инструментами блокнот с треснувшей обложкой — доказательство правды. Это роман о цифровой революции, цене гениальности и тишине, которая оказывается громче славы.

© Клеймс В., 2026

© Автор, 2026

Вит Клеймс

Трещина. The Fracture

Вит Клеймс.

Трещина. The Fracture.

12+ 2026

ОТ АВТОРА

Данное произведение является художественным вымыслом.

Все персонажи, события, диалоги, организации и обстоятельства, описанные в книге, являются вымышленными либо художественно переосмысленными, за исключением тех случаев, когда прямо указано иное. Любые совпадения имён, фамилий, названий, событий и обстоятельств с реально существующими или существовавшими людьми, организациями и событиями являются случайными, если прямо не указано обратное.

Упоминания реальных людей, компаний, организаций, технологий, финансовых инструментов и исторических событий используются исключительно в художественных целях и не означают, что описанные в произведении действия, высказывания или обстоятельства действительно имели место.

Автор не ставит целью оскорбить, оклеветать или причинить вред репутации каких-либо лиц или организаций.

Все права на художественный текст защищены. © Вит Клеймс, 2026.

—

Глава 1. Мальчик, который всё разбирал.

Палм-Бич, Флорида, 1974 год

Радиоприёмник «Zenith» стоял на кухонном столе, и Дэвид знал, что внутри него — ложка.

Не то чтобы отец врал нарочно. Просто все вокруг — родители, учителя, соседи — жили так, будто вещи существуют только снаружи. Будто деревянный ящик — это просто деревянный ящик, а голос из динамика — это просто голос. Дэвида это раздражало. Ему было девять, и он уже понимал: если тебе показывают фасад, значит, за ним что-то прячут. Надо только найти способ открыть.

Он не ждал, пока родители уедут. Он вообще не любил ждать. В субботу утром, когда отец ушёл за газетой, а мать гремела посудой в другой комнате, Дэвид принёс отвёртку из гаража — не ту, что лежала сверху, а ту, что была спрятана в старом ящике с гвоздями, потому что хорошие инструменты надо прятать. Он уже знал это правило: *лучшее не лежит на виду*.

Арни, младший брат, сидел на полу и строил башню из кубиков. Ему было семь, и он был нормальным. Дэвид любил его, но не понимал. Арни смеялся, когда падал, плакал, когда хотел есть, и не задавал вопросов. Дэвид задавал вопросы всегда. Даже когда молчал.

— Ты чего? — спросил Арни, не поднимая головы.

— Ничего, — сказал Дэвид. — Смотри телевизор.

Арни послушно пополз к телевизору. Дэвид дождался, пока он увлечётся, и приступил.

Винты поддавались неохотно. Один сорвался, оставив на пальце царапину. Дэвид слизнул кровь и продолжил. Он не чувствовал боли — только нетерпение. Когда панель отошла, он замер.

Внутри было тесно и красиво. Лампы, похожие на стеклянные колбы, конденсаторы в бумажных рубашках, провода — аккуратные, пахнувшие канифолью. Дэвид провёл пальцем по шву пайки и почувствовал, как в груди что-то сжимается. Это было не восхищение. Это было узнавание. Будто он увидел схему, которую уже знал, но забыл.

Он начал разбирать. Лампы, конденсаторы, трансформатор. Раскладывал на газете, давал имена: «сердце», «память», «голос». Он не знал технических терминов, но понимал: у каждой

части есть роль. Убери одну — и всё перестанет работать. Он проверил: вытащил лампу — и приёмник, даже выключенный, стал выглядеть иначе. Будто ослеп. Дэвид улыбнулся. Он не любил слово «сломалось». Он любил слово «зависит».

Потом он собрал всё обратно. Не потому, что боялся наказания. Он не боялся. Он просто хотел проверить, сможет ли. Собрал. Включил. Из динамика полилась музыка — мягкая, с шорохом. Дэвид слушал и думал: а если бы я собрал иначе? Если бы соединил лампы не так, как на схеме, а по-своему? Что было бы тогда? Может, ничего. А может, что-то, чего ещё не было.

Он закрыл приёмник и убрал отвёртку на место. Мать так и не заметила. Отец включил радио вечером и слушал новости, не подозревая, что сын уже разобрал его мир на части и собрал обратно.

В ту ночь Дэвид не спал. Он лежал в темноте и думал о проводах. О том, как ток бежит по ним, невидимый, но реальный. О том, что если соединить детали иначе, получится что-то новое. Он думал о том, что люди вокруг — тоже система. Учителя, родители, соседи. У каждого есть роль, и все они соединены невидимыми проводами. Если потянуть за один — задрожит другой. Дэвид представил, как вытаскивает одного человека из этой схемы, и смотрит, что произойдёт. Ничего хорошего, наверное. Но интересно.

Он повернулся на бок и посмотрел в окно. За стеклом — пальма, чёрная на фоне оранжевого света. Ветер шевелил листья. Дэвид представил, что каждый лист — это провод, а ствол — трансформатор. Он улыбнулся и закрыл глаза.

Он не был обычным мальчиком. Обычные мальчики разбирают игрушки и ломают их. Дэвид разбирал и собирал. И запоминал. И уже тогда, в девять лет, он знал: мир устроен сложнее, чем кажется. И единственный способ это вынести — понять, как он устроен. А поняв — переделать.

Через двадцать лет он разберёт мир на части. И соберёт заново, назвав это «Genesis». Никто не узнает, что всё началось с отцовского радиоприёмника, который он разобрал в субботу утром, пока мать гремела посудой, а брат строил башню из кубиков.

Глава 2. Армия

Форт-Худ, Техас, 1986 год

Армия пахла не порохом и не потом. Она пахла смазкой, дизельным топливом и бумагой.

Дэвид понял это в первый же день, когда его, девятнадцатилетнего рядового с гражданской специальностью «электроника», определили в ангар к вертолётам «Black Hawk». Инструктор, сержант с обветренным лицом и голосом, будто пропущенным через шлифовальный станок, сказал: «Ты будешь чинить не железо. Ты будешь чинить систему. Вертолёт — это не машина. Это регламент».

Дэвид кивнул. Он уже знал это. Он всегда это знал.

Вернее, знал, что у любой системы есть фасад — и изнанка. Фасад «Black Hawk» — грозная птица с лопастями, способная поднять в воздух отделение солдат и ящик боеприпасов. Изнанка — гидравлика, электропроводка, датчики, каждый из которых подчинялся не здравому смыслу, а техническому бюллетеню. Дэвиду нравилось разбираться в бюллетенях. Они были написаны сухим, почти шифровальным языком, и в них прятались вещи, о которых не говорили на общих собраниях. Например, что одна и та же деталь может иметь три разных каталожных номера в зависимости от того, кто её заказывает. Например, что проверку можно провести за двадцать минут — или за два часа, и результат будет одинаковым, если знать, какие пункты пропустить.

Дэвид не пропускал пункты. Он их запоминал.

Ему нравилась армия. Не дисциплина — она была скучной. Ему нравилась предсказуемость. Здесь всё было описано. Каждый шаг, каждый винт, каждая процедура имели номер и обоснование. Если ты знал номер, ты знал, где искать. Если ты знал обоснование, ты знал,

где можно обойти. Дэвид обходил осторожно, не чтобы нарушить, а чтобы понять, где система даёт трещину. Трещины были интереснее самой системы.

В Германии, куда его перевели через год, стало ещё интереснее.

База в Баварии, осень, туман, низкие облака над ангарами. Дэвид числился техником, но всё чаще его звали не к вертолётам, а к терминалам. Кто-то из офицеров заметил, что рядовой Кроу разбирается в компьютерах — не в играх, а в том, как они устроены. И как их можно заставить делать то, что не предусмотрено инструкцией.

Однажды ему принесли ноутбук с «очень важными файлами», который «не включается». Дэвид открыл его, посмотрел на экран, послушал вентилятор и сказал: «Он включается. Просто не загружается. У вас повреждён загрузчик. Я могу восстановить данные, но не спрашивайте меня, как они туда попали. Они лежат в папке, которой не должно быть».

Офицер побледнел. Дэвид не стал уточнять, что это за папка. Он просто сделал свою работу, вернул ноутбук и вернулся в ангар. Через неделю его вызвали в штаб и вручили благодарность. Через месяц — медаль. Через два — он стоял перед строем, а министр армии зачитывал формулировку: «...внешний вид, знание общих военных предметов, текущих событий и других дисциплин в сочетании с исключительной преданностью долгу неизменно давали только выдающиеся результаты».

Дэвид слушал и думал: они хвалят меня за то, что я не сломался. Но я не ломался не потому, что был предан. Я не ломался потому, что мне было интересно.

В двадцать один год его назвали Солдатом года. Он получил медаль, рукопожатие и фотографию, которую потом повесил в отцовском доме — не из гордости, а потому что так было положено. Арни, приехавший на каникулы, посмотрел на фотографию и сказал: «Круто». Дэвид пожал плечами. «Это система, — сказал он. — Я просто нашёл в ней правильную кнопку».

Арни не понял. Дэвид не объяснил.

Он демобилизовался в 1989-м, вернулся во Флориду и поступил в полицейскую академию. Армия научила его главному: у любой структуры, будь то вертолёт или база, есть регламент. И есть человек, который этот регламент читает. Если ты знаешь регламент лучше, чем тот, кто его написал, ты можешь делать то, что нужно. Тихо. Без сбоев. Без следов.

Глава 3. Возвращение домой

Палм-Бич, Флорида, 1990 год

Флорида встретила его влажным теплом и запахом скошенной травы. Дэвид сошёл с трапа самолёта, поправил сумку на плече и вдохнул воздух, который помнил с детства, — сладковатый, тяжёлый, с примесью океана и бензина. Армия осталась позади, аккуратно сложенная в папку с документами и фотографией, на которой он стоял в форме, а министр пожимал ему руку.

Он вернулся не потому, что скучал. Он вернулся потому, что здесь была система, которую он знал хуже, чем вертолёты.

Полицейская академия в Уэст-Палм-Бич располагалась в приземистом здании с толстыми стенами и окнами, забранными решётками, — будто внутри готовили не стражей порядка, а заключённых. Дэвид прошёл медкомиссию, сдал нормативы (отжимания, бег, стрельба — всё на «отлично», потому что армия научила его не спорить с нормативами, а выполнять их с запасом) и приступил к теории.

Теория оказалась интереснее, чем он ожидал. Уголовный кодекс, процедуры задержания, правила применения силы — всё это было описано так же сухо и точно, как технические бюллетени для «Black Hawk». Каждая статья имела номер, каждое действие — обоснование. Дэвид читал кодекс вечерами, как другие читают детективы. Он находил в нём не справедливость (о справедливости говорили инструкторы, но Дэвид быстро понял, что справедливость — это то,

что суд решит потом), а логику. Если есть правило, есть исключение. Если есть исключение, есть лазейка. Если есть лазейка, есть человек, который её использует.

На третьей неделе обучения к нему подсел парень по имени Марк Дэниелс — широкоплечий, с открытой улыбкой и привычкой хлопать собеседника по плечу, будто они друзья с детского сада. Дэвид не любил, когда его хлопали. Но Марк не раздражал. Он был простым. Не глупым — простым. Он хотел служить, потому что верил в порядок. Дэвид хотел служить, потому что хотел понять, как порядок устроен. Они дополняли друг друга.

— Ты чего такой серьёзный всё время? — спросил Марк после лекции о правах задержанных. — Расслабься. Мы же не на войне.

— Я и не напрягаюсь, — сказал Дэвид. — Просто думаю.

— О чём?

— О том, что в кодексе сорок семь статей, которые можно трактовать двояко. И ещё двенадцать, которые не трактуются вовсе, но применяются.

Марк моргнул.

— Ты это серьёзно?

— Да.

— И зачем тебе это?

Дэвид посмотрел на него и впервые за долгое время улыбнулся — не потому, что было смешно, а потому, что Марк был первым, кто спросил «зачем», а не «почему».

— Потому что если я знаю, где система даёт трещину, я знаю, где её можно починить. Или где её можно использовать.

Марк хлопнул его по плечу — на этот раз Дэвид стерпел.

— Ну ты и голова, Кроу. С тобой не пропадёшь.

Они окончили академию в один день, получили значок, присягнули и вышли на улицу, где пахло так же, как в детстве, — травой и бензином. Марк сразу попал в патрульную службу, Дэвида же, благодаря армейскому опыту с компьютерами, направили в только что созданный отдел — компьютерных преступлений.

Отдел занимал две комнаты на втором этаже участка. В одной стояли столы с громоздкими мониторами, в другой — сейф с изъятými дискетами и коробками из-под пиццы. Начальник, лейтенант с усами и усталыми глазами, сказал Дэвиду:

— У нас тут всё новое. Никто толком не знает, что делать. Ты будешь разбираться.

Дэвид кивнул. Он уже разбирался.

Первое дело было простым: кто-то взломал банкомат в торговом центре и снял триста долларов. Дэвид посмотрел логи, нашёл след, проследил до компьютера в мотеле, приехал с ордером и обнаружил в номере двадцатилетнего парня, который плакал и говорил, что «просто хотел проверить, получится ли». Дэвид забрал его, оформил бумаги и вернулся в участок.

Марк, встретивший его в коридоре, спросил:

— Ну как?

— Получилось, — сказал Дэвид. — Он проверил. Теперь проверит суд.

Марк засмеялся. Дэвид не смеялся. Он думал о том, что парень в мотеле был не преступником, а исследователем. Он просто не знал, где заканчивается исследование и начинается преступление. Дэвид знал. Он всегда знал, где граница. Он просто не всегда соглашался, что она проходит именно там.

Вечером он заехал к Арни. Брат жил в маленькой квартире на окраине, работал в автомастерской и гордился тем, что не пошёл «в эти ваши компьютеры». Они сидели на кухне, ели пиццу, и Арни рассказывал про новую машину, которую они с боссом восстанавливали — «Шевроле 67-го года, представляешь, Дэйв, почти как новая, только двигатель перебрать».

Дэвид слушал и думал: Арни чинит машины. Я чиню системы. Но по сути мы делаем одно и то же — берём то, что сломалось, и возвращаем к жизни. Только Арни делает это руками, а я — головой. И он никогда не спрашивает, зачем. Он просто делает. И в этом его сила.

— Ты чего молчишь? — спросил Арни.

— Думаю, — сказал Дэвид. — Хорошая машина.

Арни ухмыльнулся.

— Ты всегда думаешь. Когда-нибудь это тебя до добра не доведёт.

Дэвид откусил пиццу и не ответил. Он уже знал: думать — это единственное, что его никогда не подведёт. Даже когда всё остальное рухнет.

Через пять лет, в 1995-м, мотоцикл выбросит его из седла на перекрёстке. Врачи скажут: перелом позвоночника, травма черепа, две сломанные руки. Они скажут: он больше не будет ходить. Они скажут: чудо, что он выжил.

Дэвид выслушает их, закроет глаза и подумает: это тоже система. У неё есть регламент. И есть трещина.

Он найдёт её. Он всегда находил.

Но пока он просто сидит на кухне у брата, ест пиццу и слушает про «Шевроле 67-го года». И думает о том, что завтра на работе его ждёт новое дело — взлом почтового сервера в университете. И что это, возможно, первый шаг к чему-то большему. К чему-то, что он пока не может назвать. Но чувствует: трещина уже близко.

Глава 4. Авария

Палм-Бич, Флорида, 30 апреля 1995 года

В тот день Дэвид Кроу думал о трещинах.

Он ехал на мотоцикле — «Хонда CBR», красной, с обтекателем, который он сам покрасил в гараже у Арни. Ветер бил в лицо, солнце слепило через визор, и он чувствовал себя частью системы — дорога, машины, светофоры, пешеходы. Всё двигалось по правилам. Всё подчинялось регламенту. Даже он.

Он возвращался из участка, где весь день разбирал логи почтового сервера Университета Флориды. Взломщик оказался студентом, который «просто хотел посмотреть, как устроена защита». Дэвид нашёл его за три часа — по IP, по времени, по глупости. Студент плакал, говорил, что не хотел ничего плохого. Дэвид оформил бумаги и отпустил его с предупреждением. Не из жалости — из понимания. Он сам был таким. Разбирал мир на части, чтобы понять, как он работает. Разница была только в том, что Дэвид знал, где остановиться.

Он остановился на перекрёстке Конгресс-авеню и Хайполаксо-роуд. Светофор мигнул жёлтым, потом красным. Дэвид притормозил, поставил ногу на асфальт, посмотрел налево — пусто. Направо — «Форд Таурус», серебристый, с тонированными стёклами. Водитель смотрел не на дорогу, а в телефон — тогда они ещё были большими, как кирпичи, и водитель держал его у уха, будто слушал чей-то шёпот.

Дэвид подумал: он не видит меня. Система дала сбой.

Светофор загорелся зелёным. Дэвид тронулся. «Форд» тоже тронулся — прямо в него.

Удар был коротким и странно тихим. Дэвид успел почувствовать, как руль выворачивается из рук, как обтекатель трещит и осыпается пластиком, как его тело поднимается над сиденьем и летит — не вперёд, а вбок, будто кто-то дёрнул за невидимую нить. Потом был асфальт. А дальше — пустота.

Он очнулся в больнице Святой Марии. Потолок был белым, с трещиной в углу. Дэвид смотрел на трещину и думал: вот она. Система здания дала сбой. Кто-то не досмотрел.

Он попытался пошевелить пальцами ног. Не получилось. Попытался пошевелить руками — получилось, но с трудом, будто они налились свинцом. Он повернул голову. Рядом сидел Арни — бледный, с красными глазами, в футболке, заляпанной машинным маслом.

— Дэйв, — сказал Арни. — Ты очнулся.

— Что со мной? — спросил Дэвид. Голос был хриплым, будто он долго кричал.

Арни открыл рот, потом закрыл. Потом сказал:

— Авария. Мотоцикл. Тебя сбил «Форд». Водитель говорит, не видел. Говорит, ты вылетел на красный.

— Я не вылетел на красный, — сказал Дэвид. — Он смотрел в телефон.

Арни кивнул, но было видно: он не слушает. Он смотрит на брата и думает о том, что скажут врачи.

Врачи сказали через два дня. Перелом позвоночника в области T5-T6. Травма спинного мозга. Полная потеря чувствительности и двигательной функции ниже уровня груди. Две сломанные руки. Травма черепа, но мозг цел — «чудо, что вы выжили, мистер Кроу».

Дэвид выслушал, кивнул и спросил:

— Прогноз?

Врач, седой человек с усталыми глазами, помолчал.

— Вы больше не будете ходить. Возможно, сможете пользоваться руками, но не полностью. Мы будем работать над реабилитацией, но... — он развёл руками, будто извиняясь за то, что не может починить систему.

Дэвид смотрел на него и думал: он говорит со мной, как с пациентом. А я — не пациент. Я — система, которая дала сбой. И мне нужно найти трещину.

— Дайте мне ноутбук, — сказал он.

Врач моргнул.

— Простите?

— Ноутбук. Я буду работать.

— Мистер Кроу, вам нужно отдыхать. У вас тяжёлая травма...

— Я буду отдыхать, — сказал Дэвид. — И работать. Одновременно. Я умею.

Врач посмотрел на Арни. Арни пожал плечами, будто говоря: «Он всегда такой. Не спорьте».

Врач ушёл. Арни остался. Он сидел на стуле у кровати и смотрел на брата так, будто видел его впервые.

— Дэйв, — сказал он наконец. — Ты понимаешь, что произошло?

— Да, — сказал Дэвид. — Я больше не хожу. Это факт. Факты не обсуждаются. Они принимаются.

— И всё? Ты не злишься?

Дэвид повернул голову к окну. За стеклом был апрель — тёплый, влажный, с запахом апельсиновых деревьев и бензина. Он подумал о трещине в потолке, о «Форде», о водителе, который смотрел в телефон. О системе, которая дала сбой. И о том, что теперь он — часть этой системы, сломанная часть, которую надо починить.

— Злюсь, — сказал он. — Но злость — это не регламент. Злость — это шум. Мне нужно работать.

Он попросил у медсестры блокнот и ручку — писать было больно, руки почти не слушались, но он писал. Он записывал всё, что помнил о деле, которое вёл до аварии: взлом почтового сервера, студент, IP-адреса. Он писал, потому что не мог позволить себе остановиться. Если он остановится, система рухнет.

Через неделю его перевели в реабилитационное отделение. Он лежал на кровати с высокой спинкой, смотрел в потолок и думал о том, что тело — это тоже система. У неё есть регламент: сигналы из мозга идут по спинному мозгу к мышцам. Травма перерезала провод. Провод не восстанавливается. Но можно проложить обходной путь.

Он ещё не знал, каким будет этот путь. Но он знал, что найдёт его. Он всегда находил.

Марк Дэниелс приехал через две недели. Он стоял в дверях палаты — большой, неуклюжий, с букетом цветов, который выглядел нелепо в его руках, — и не знал, что сказать.

— Я... — начал он. — Мне жаль, Дэйв.

— Не надо, — сказал Дэвид. — Жалость — это шум. Лучше принеси мне ноутбук.

Марк моргнул.

— Что?

— Ноутбук. Я хочу работать.

Марк посмотрел на него, потом засмеялся — коротко, с облегчением, будто услышал шутку, которую понял не сразу.

— Ты ненормальный, Кроу, — сказал он. — Тебя сбила машина, ты не ходишь, а просишь ноутбук.

— Да, — сказал Дэвид. — Потому что машина — это система. И я — тоже система. Я найду способ работать.

Марк принёс ноутбук через три дня. Дэвид поставил его на колени — вернее, на подушку, которую медсёстры подложили ему под ноги, — и открыл крышку. Экран засветился, и он почувствовал, как что-то внутри него щёлкнуло. Не в теле — в голове. Будто переключатель.

Он начал печатать. Медленно, криво, с ошибками. Но печатал.

Он не знал, что будет дальше. Он не знал, как будет жить. Но он знал, что не сдастся. Потому что и сдаётся — это тоже система. У неё тоже есть трещина.

Он найдёт её. Он всегда находил.

Ночью, когда медсёстры гасили свет, Дэвид лежал в темноте и смотрел на трещину в потолке. Она была тонкой, едва заметной, но она была. Он думал о том, что мир полон трещин. И если найти правильную, можно пройти через неё и оказаться там, где тебя не ждут.

Он улыбнулся — впервые за много дней.

За окном шумел апрель. Где-то далеко, в Австралии, человек по имени Клэйтон Роуэн ещё не знал, что через десять лет он напишет письмо программисту из Флориды. А программист из Флориды ещё не знал, что через двадцать лет он создаст мир, который изменит всё.

Но пока он просто лежал в больнице, смотрел на трещину в потолке и печатал одной рукой — криво, медленно, с ошибками.

Он печатал. Это было главное.

Глава 5. Второе рождение

Реабилитационный центр «Сент-Эндрюс», Флорида, 1995–1998 годы

Реабилитация была системой, и Дэвид быстро понял, что она сломана.

Не то чтобы врачи плохо работали. Они работали по протоколу: растяжка, упражнения, массаж, психолог. Протокол был разработан для людей, которые хотят вернуться к прежней жизни. Дэвид не хотел возвращаться. Он хотел построить новую.

Физиотерапевт, крепкая женщина с короткой стрижкой и голосом, который не терпел возражений, сказала ему на первом сеансе:

— Мы будем работать над верхней частью тела. Руки, плечи, грудь. Это ваш новый инструмент.

Дэвид кивнул. Он уже думал об этом. Руки были слабыми — после двух переломов и месяцев неподвижности они напоминали ветки, с которых сорвали кору. Он не мог сжать кулак, не мог поднять ложку, не мог набрать номер телефона. Но он мог печатать. Медленно, криво, одним пальцем. И это было начало.

Он попросил у Арни старый ноутбук — «тот, который ты хотел выбросить». Арни привёз «Тошиба» с треснувшим экраном и мёртвой батареей, но с работающим процессором. Дэвид поставил его на больничную тумбочку, подключил к розетке и начал.

Он не учился «пользоваться компьютером». Он учился его вскрывать.

В армии он разбирал вертолёты по техническим бюллетеням. В полиции — почтовые серверы по логам. Теперь он разбирал операционную систему. Он читал документацию, которую никто не читал, — справочные файлы, спрятанные в папках с названиями вроде «system32» и «winnt». Он находил утилиты, о которых не знали даже программисты, — крошечные программы, которые делали одну вещь, но делали её идеально. Он запускал их, смотрел на результат и записывал в блокнот — тот самый, который начал в больнице после аварии. Блокнот уже был наполовину заполнен: схемы, команды, вопросы.

Медсёстры удивлялись. Они привыкли, что пациенты смотрят телевизор, жалуются на боль или спят. Дэвид не жаловался. Он печатал. Иногда он подзывал медсестру и спрашивал:

— Что вы делаете, когда компьютер зависает?

Медсестра, молодая, с усталыми глазами, пожимала плечами:

— Перезагружаю.

— А если не помогает?

— Звоню в техподдержку.

Дэвид кивал и записывал. Он не смеялся над ней. Он понимал: она — пользователь. Она не обязана знать, как устроена система. Но он — обязан. Потому что если он не будет знать, он останется таким же беспомощным, как она.

Через месяц он написал свою первую утилиту. Она называлась «CleanSweep» и делала всего одну вещь: находила и удаляла временные файлы, которые Windows почему-то не удаляла сама. Программа была простой — триста строк кода, написанных одним пальцем, с ошибками, которые он исправлял по ночам. Но она работала.

Он показал её Марку, который приехал навестить его в реабилитационный центр.

Марк посмотрел на экран, потом на Дэвида.

— Ты это написал? Сам?

— Да.

— Одной рукой?

— Одним пальцем.

Марк засмеялся — громко, на весь коридор, так что медсестра выглянула из-за угла.

— Кроу, ты псих. Тебе памятник надо ставить.

— Мне надо ноутбук получше, — сказал Дэвид. — Этот греется, как утюг.

Марк привёз ему новый ноутбук через неделю — «Делл», серый, с работающей батареей и экраном без трещин. Дэвид поблагодарил его и вернулся к работе. Он уже писал вторую утилиту — «RegHunter», которая находила в реестре записи, оставленные программами, которых больше не было на компьютере. Он не знал, зачем ему это. Он просто хотел понять, как система хранит память. И как её можно стереть.

В реабилитационном центре был компьютерный класс — три старых машины с доступом в интернет через телефонную линию. Дэвид упросил медсестру, чтобы его привозили туда два раза в неделю. Он садился за машину, подключался к сети и заходил на форумы.

Тогда интернет был другим. Не сайты с картинками и видео, а текстовые доски объявлений, где люди обменивались кодом, ругались, спорили и помогали друг другу. Дэвид нашёл форум программистов, которые обсуждали Windows — её архитектуру, её уязвимости, её странности. Он читал их споры и понимал: они видят систему так же, как он. Не как инструмент, а как головоломку. Он начал писать. Сначала вопросы, потом ответы. Через месяц к нему начали обращаться с просьбами: «Помоги разобраться», «Посмотри мой код», «Ты знаешь, как это исправить?»

Он знал. И находил. Или придумывал.

Однажды ему написал человек с ником «wintermute» — программист из Калифорнии, который разрабатывал системы шифрования для банков. Он спросил:

«Ты самоучка?»

Дэвид ответил:

«Да».

«Как ты научился?»

Дэвид подумал, потом напечатал:

«Я разобрал систему на части. Потом собрал обратно. Потом разобрал снова. И так, пока не понял, как она работает».

«wintermute» ответил:

«Ты опасный человек, Дэвид Кроу. Если бы я был твоим начальником, я бы тебя боялся».

Дэвид улыбнулся. Он не считал себя опасным. Он считал себя любопытным. Но, может быть, это было одно и то же.

В реабилитационном центре его называли «мистер Кроу» и «пациент из 12-й палаты». Он не спорил. Он просто работал. Физиотерапия, упражнения, ноутбук, форумы, снова упражнения. Через полгода он мог сидеть в коляске без поддержки, мог есть ложкой (криво, но сам), мог печатать двумя пальцами — уже не одним. Врачи говорили: «Прогресс». Дэвид думал: «Начало».

Арни приезжал каждые выходные. Он привозил пиццу, садился на стул у кровати и рассказывал про мастерскую. Дэвид слушал и иногда спрашивал:

— А если бы ты мог починить машину, не трогая её руками? Только кодом?

Арни моргал.

— Как это?

— Не важно. Забудь.

Арни не забывал. Он смотрел на брата и видел, что тот меняется. Не внешне — внешне он был всё тем же Дэвидом, худым, бледным, с упрямым взглядом. Но внутри что-то щёлкнуло. Будто он нашёл трещину и прошёл через неё. И теперь был по другую сторону.

— Ты справишься, — сказал Арни однажды, когда уезжал.

— Я знаю, — сказал Дэвид.

Он не хвастался. Он просто констатировал факт. Как всегда.

Через год его выписали из реабилитационного центра. Он вернулся домой — в маленькую квартиру, которую Арни помог ему оборудовать пандусом и широкими дверями. Он сел за стол, поставил ноутбук, подключил интернет и открыл форум.

На экране мигало новое сообщение. От «wintermute»:

«Есть работа. Система шифрования для почтовой службы. Нужен человек, который найдёт дыры. Ты подойдёшь. Платят мало, но интересно».

Дэвид посмотрел на сообщение, потом на свои руки — слабые, с длинными пальцами, которые уже не дрожали. Он напечатал ответ:

«Я согласен. Когда начинаем?»

Он нажал «Отправить» и откинулся на спинку коляски. За окном шумела Флорида — пальмы, ветер, далёкий гул машин. Он слушал этот шум и думал: система дала сбой. Но я нашёл трещину. И теперь я внутри.

Он не знал, что через двадцать лет эту трещину назовут «Genesis». Он просто печатал. И был счастлив — впервые за долгое время.

Глава 6. Цифровые следы

Отдел компьютерных преступлений, Палм-Бич, 1996 год

Отдел занимал две комнаты на втором этаже участка, и Дэвид быстро понял: это не отдел, а склад.

В первой комнате стояли три стола с мониторами, которые гудели, как холодильники. На подоконнике пылились коробки из-под пиццы и дискеты в бумажных конвертах. Во второй комнате был сейф, набитый изъятymi жёсткими дисками и коробками с надписями «Дело №»

— некоторые номера были трёхзначными, некоторые — четырёхзначными. Никто не знал, что с ними делать. Никто не хотел разбираться.

Дэвид приехал в коляске, и это вызвало замешательство. Лейтенант, усатый мужчина с усталыми глазами и привычкой говорить негромко, посмотрел на него и сказал:

— Кроу, я читал твоё дело. Ты был Солдатом года. Ты разбираешься в компьютерах. Но у нас тут не армия. У нас тут бардак. Ты сможешь?

— Смогу, — сказал Дэвид.

— Тебе нужно что-то особенное? Пандус? Стол пониже?

— Мне нужен доступ к логам. И тишина.

Лейтенант кивнул и выделил ему стол у окна — единственный, к которому можно было подъехать на коляске. Дэвид поставил ноутбук, подключил его к сети и начал.

Первое дело было простым до неприличия. Кто-то взломал банкомат в торговом центре на Окичоби-бульваре и снял триста долларов. Банк прислал логи, полиция оформила заявление, и бумаги легли на стол Дэвиду.

Он открыл файлы и начал читать. Логи были скучными — строки с датами, суммами, идентификаторами транзакций. Дэвид читал их, как другие читают детективы. Он искал не смысл, а ритм. Любая система имеет ритм: если он сбивается, значит, кто-то вмешался.

Через два часа он нашёл след. Транзакция была проведена в 3:47 утра — время, когда банкоматы обычно не работают, потому что банк обновляет базы. Но этот банкомат работал. Кто-то оставил его включённым. Или кто-то знал, как его включить.

Дэвид проследил цепочку до компьютера в мотеле на федеральной трассе. Он взял ордер, приехал с двумя патрульными и обнаружил в номере двадцатилетнего парня по имени Тим, который плакал и говорил, что «просто хотел проверить, получится ли».

— Получилось, — сказал Дэвид. — Теперь проверит суд.

Тим посмотрел на него — на коляску, на слабые руки, на неподвижные ноги — и сказал:

— Вы же понимаете. Я не хотел ничего плохого. Я просто... любопытный.

Дэвид молчал. Он понимал. Он сам был таким. Разбирал мир на части, чтобы понять, как он работает. Разница была только в том, что Дэвид знал, где остановиться. Или думал, что знает.

Он забрал Тима в участок, оформил бумаги и вернулся к столу. Лейтенант посмотрел на него и сказал:

— Быстро.

— Система дала сбой, — сказал Дэвид. — Я нашёл трещину.

— Какую трещину?

— Банкомат работал в 3:47 утра. Он не должен работать в это время. Кто-то оставил его включённым. Или кто-то из банка знал, что его оставят включённым.

Лейтенант нахмурился.

— Ты думаешь, это внутренняя работа?

— Я думаю, что система, которая не спит, уязвима. Банкомат спал. Кто-то его разбудил.

Лейтенант кивнул и ушёл. Дэвид остался у окна. За стеклом шумела Флорида — пальмы, ветер, машины. Он смотрел на улицу и думал: цифровые следы — это не просто данные. Это память системы. И если память можно стереть или подделать, значит, система ненадёжна.

Через неделю ему принесли второе дело. Финансовые махинации в местном банке: кто-то переводил деньги со счетов клиентов на счета подставных фирм. Суммы были небольшими — от пятисот до двух тысяч долларов, — но переводов было много. Банк заметил пропажу только через три месяца.

Дэвид открыл логи и начал читать. Он искал не суммы, а время. Переводы шли в 2:13, 2:47, 3:22 — всегда ночью, всегда в разное время, но всегда с интервалом в два-три дня. Кто-то работал осторожно. Кто-то знал систему.

Он проследил цепочку до сотрудника банка — тридцатилетнего мужчины по имени Роберт, который работал в отделе переводов и имел доступ к счетам. Роберт был тихим, аккуратным, с женой и двумя детьми. Он не выглядел как преступник. Он выглядел как человек, который нашёл трещину и решил, что через неё можно пролезть.

Дэвид приехал к нему домой с ордером. Роберт открыл дверь, посмотрел на коляску, на значок и сказал:

— Я знал, что вы придёте. Я просто не знал когда.

— Почему вы это делали? — спросил Дэвид.

— Потому что система позволяла, — сказал Роберт. — Я не взламывал. Я просто переводил. Никто не проверял. Никто не смотрел. Я думал: если никто не смотрит, значит, это ничьё.

Дэвид смотрел на него и думал: он прав. Система позволяла. Банк не проверял логи. Банк доверял сотрудникам. Банк спал. И Роберт разбудил его — не для того, чтобы украсть, а для того, чтобы проверить, получится ли. Как Тим. Как студент из университета. Как сам Дэвид — только Дэвид разбирал системы, чтобы понять, а они разбирали, чтобы использовать.

Он забрал Роберта в участок, оформил бумаги и вернулся к столу. Вечером он позвонил Арни.

— Ты знаешь, что такое деньги? — спросил он.

Арни помолчал.

— Ну... это то, чем платят.

— Нет, — сказал Дэвид. — Деньги — это доверие. Ты доверяешь банку, банк доверяет системе, система доверяет коду. Если кто-то ломает код, доверие рушится.

Арни помолчал ещё.

— Ты чего, Дэйв? Устал?

— Нет, — сказал Дэвид. — Я думаю. Цифровые следы можно стереть. Можно подделать. Можно переписать. Если система хранит память в одном месте, её можно взломать. А если память хранится везде?

— Где везде?

— Не важно, — сказал Дэвид. — Забудь.

Он положил трубку и посмотрел на экран. На нём мигало новое сообщение от «wintermute»:

«Есть работа. Система шифрования для почтовой службы. Нужен человек, который найдёт дыры. Ты подойдёшь. Платят мало, но интересно».

Дэвид ответил:

«Я согласен. Когда начинаем?»

Он нажал «Отправить» и откинулся на спинку коляски. За окном шумела Флорида. Он слушал этот шум и думал: цифровые следы — это память. Если память можно подделать, значит, нужна система, где подделать её невозможно. Система, которая не спит. Система, которая не доверяет никому — даже себе.

Он не знал, как её построить. Но он знал, что найдёт способ. Он всегда находил.

Глава 7. Учитель без диплома

Палм-Бич-Гарденс, Флорида, 2000 год

Компания называлась «Securit-e-doc», и Дэвид понял, что попал в правильное место, в первый же день.

Офис располагался в промышленном парке, между автомастерской и складом строительных материалов. Внутри пахло нагретой электроникой и кофе, который варили в большой кастрюле, потому что кофемашина сломалась ещё в прошлом году. В приёмной сидела женщина с усталыми глазами, которая одновременно отвечала на звонки, печатала счёт и ела сэндвич. Она посмотрела на Дэвида в коляске, кивнула, будто видела таких каждый день, и сказала:

— Вы, наверное, к мистеру Харрису. Он вас ждёт. Вторая дверь налево.

Дэвид проехал по коридору, который был слишком узким для коляски, и толкнул вторую дверь налево. За столом сидел человек в рубашке с закатанными рукавами — мистер Харрис, глава компании. Он поднял глаза, посмотрел на Дэвида, потом на его коляску, потом снова на Дэвида. И сказал:

— Мне говорили, что вы лучший. Мне говорили, что вы разбираетесь в шифровании лучше, чем кто-либо в этом штате. Мне говорили, что вы не любите болтать. Всё правда?

— Правда, — сказал Дэвид. — Кроме последнего. Я люблю болтать. Но только о том, что важно.

Харрис ухмыльнулся.

— Хорошо. У нас проблема. Мы делаем системы защиты для правительства, NASA (Национального управления по авиации и исследованию космического пространства США), Министерства финансов, Почтовой службы. Они хотят хранить и передавать секретные данные так, чтобы никто — даже мы — не мог их прочитать. Мы используем стандартные алгоритмы. Но стандарты устарели. NSA (Агентство национальной безопасности) говорит, что мы должны соответствовать их критериям. Но их критерии — это их критерии. А нам нужна система, которая будет работать не для них, а для клиента.

— Покажите код, — сказал Дэвид.

Харрис моргнул.

— Что?

— Покажите код. Я посмотрю.

Харрис открыл ноутбук, повернул его к Дэvidу, и Дэвид начал читать. Он читал быстро, как другие читают газеты. Он не искал ошибки — он искал логику. Он хотел понять, как система думает. И через двадцать минут он поднял глаза и сказал:

— Здесь три дыры. Первая — в генераторе ключей. Он использует предсказуемые числа. Второй — в протоколе передачи. Он не проверяет целостность. Третий — в интерфейсе. Он позволяет пользователю выбирать слабый пароль. Если хотите, я напишу вам новый.

Харрис смотрел на него так, будто видел впервые.

— Вы читали код двадцать минут.

— Двадцать три.

— И нашли три дыры.

— Я нашёл три дыры, которые видно сразу. Если хотите, я найду остальные. Но для этого мне нужно больше времени и доступ к исходникам.

Харрис откинулся на спинку кресла и засмеялся — коротко, с облегчением.

— Вы приняты, мистер Кроу. Когда можете начать?

— Сейчас, — сказал Дэвид.

Он начал в тот же день. Ему выделили стол у окна, поставили компьютер — не ноутбук, а полноценную машину с двумя мониторами, — и оставили одного. Он работал молча, иногда по двенадцать часов, иногда по шестнадцать. Он не ходил на обед с коллегами, потому что обед — это шум. Он не участвовал в разговорах у кулера, потому что кулер — это тоже шум. Он работал.

Через три недели он написал новый инструмент шифрования для Windows. Он не использовал стандартные библиотеки, потому что стандартные библиотеки были предсказуемы. Он написал свой генератор ключей, который использовал энтропию системы — хаос, который невозможно предсказать. Он написал свой протокол передачи, который проверял целостность данных на каждом шаге. Он написал свой интерфейс, который не позволял пользователю выбрать слабый пароль, потому что слабый пароль — это не вина пользователя, а вина системы, которая позволила ему быть слабым.

Он показал инструмент Харрису. Харрис посмотрел, запустил тесты и сказал:

— Это лучше, чем всё, что я видел. Как вы это сделали?

— Я не пытался соответствовать стандартам, — сказал Дэвид. — Я пытался сделать систему, которую невозможно взломать. Стандарты — это компромисс. Я не люблю компромиссы.

Харрис кивнул и отправил инструмент на сертификацию. Через месяц пришёл ответ: инструмент превышает требования NSA, NIST (Национальный институт стандартов и технологий США) и Microsoft Common Criteria Guidelines.

Не соответствует — превышает. NASA, Министерство финансов, Управление генерального инспектора и Почтовая служба США запросили лицензии.

Дэвид прочитал письмо и отложил его в сторону. Он не чувствовал гордости. Он чувствовал, что система работает. А это было важнее.

Арни приехал через неделю. Он редко бывал в Палм-Бич-Гарденс — работа в мастерской, жена, двое детей, — но в тот раз приехал. Он стоял в дверях офиса, смотрел на брата, который сидел за компьютером с двумя мониторами, и не знал, что сказать.

— Ты выглядишь... — начал он.

— Уставшим, — сказал Дэвид. — Я работаю.

Арни подошёл ближе, сел на стул рядом. Он смотрел на экран, где мелькали строки кода, и ничего не понимал.

— Ты всегда был таким, — сказал он наконец. — В детстве. Ты разбирал приёмник и собирал обратно. Я думал, ты просто любопытный. А ты... — он показал на экран. — Ты строишь системы.

— Да, — сказал Дэвид. — Я строю системы.

— А зачем?

Дэвид помолчал. Он смотрел на брата — на его руки, которые чинили машины, на его лицо, которое не знало, что такое код, на его жизнь, которая была простой и понятной. И он подумал: Арни не поймёт. Но он спросил. Это уже много.

— Потому что системы, которые есть сейчас, работают для тех, кто их создал, — сказал Дэвид. — А я хочу, чтобы они работали для всех. Или ни для кого. Чтобы они не зависели от одного человека, одной компании, одного правительства. Чтобы они были... — он поискал слово. — Неизменными.

Арни нахмурился.

— Как это?

— Представь, что у тебя есть журнал, в который записывают все ремонты, которые ты делаешь. Каждую машину, каждую деталь. И этот журнал хранится не у тебя, а у всех, кто работает в мастерской. И никто не может его переписать. Ни ты, ни босс, никто. Если кто-то попытается — остальные увидят.

Арни подумал.

— Это было бы удобно, — сказал он. — Но зачем?

— Затем, что тогда никто не сможет соврать, — сказал Дэвид. — Ни мастер, ни клиент, ни налоговая. Система будет помнить всё. И она будет работать без нас.

Арни посмотрел на него и вдруг улыбнулся — не насмешливо, а как-то грустно.

— Ты всегда был умнее меня, Дэйв. Я это знал. Но сейчас... — он покачал головой. — Я даже не понимаю, о чём ты говоришь. Но звучит важно.

— Это важно, — сказал Дэвид.

Арни уехал через час. Он обнял брата — неловко, потому что коляска мешала, — и сказал:

— Если тебе что-нибудь нужно, звони. Я не понимаю твоих компьютеров, но я могу привезти пиццу.

— Привози, — сказал Дэвид. — Пиццу я понимаю.

Арни засмеялся и ушёл. Дэвид остался у окна, смотрел, как машина брата выезжает с парковки, и думал: Арни не знает, чем я занимаюсь. Он не знает, что я строю. Но он приезжает. И это больше, чем у многих.

Вечером он вернулся к работе. На экране мигало новое письмо — от человека по имени Клэйтон Роуэн. Тема: «Неизменяемые реестры и цифровое золото». Дэвид открыл письмо и начал читать.

Он не знал, что этот человек станет его партнёром. Он не знал, что через десять лет они встретятся в Диснейленде. Он не знал, что через двадцать лет его имя будет связано с криптовалютой, которая изменит мир.

Он просто читал письмо. И думал: это система. У неё есть трещина. И я её найду.

Глава 8. Список

Палм-Бич-Гарденс, Флорида, 2001 год

Дэвид нашёл список рассылки случайно — так же, как он находил всё важное в своей жизни: не в поисках, а в трещине.

Он искал документацию по PGP — программе шифрования, которую использовали в Securit-e-doc для защиты клиентских данных. Официальный сайт вёл на форум, форум — на архив, архив — на файл, который назывался просто: `cypheerpunks.1992-2001.tar.gz`. Дэвид скачал его из любопытства. Он весил немного — несколько мегабайт текста, — но внутри было двадцать лет разговоров.

Он распаковал архив в папку на рабочем столе и открыл первый файл. Тема: «Crypto Anarchist Manifesto». Автор: Тим Мэй. Дата: 1988.

Дэвид читал медленно, потому что руки плохо слушались, а глаза уставали от экрана. Но он читал. И чем дальше, тем яснее становилось: это не просто переписка. Это была система. Не та, что работала в банках или правительствах, а та, что могла работать вместо них.

Мэй писал о криптографии как о «оружии» — не для насилия, а для свободы. Он говорил о рынках, где никто не спрашивает имён. О репутации, которая заменяет паспорт. О деньгах, которые не нуждаются в банках. Дэвид читал и чувствовал, как что-то внутри него щёлкает — не как переключатель, а как замок, к которому наконец подобрали ключ.

Он провёл в архиве три недели. Каждый вечер, после работы, он открывал файл за файлом и читал. Он не спал. Не мог.

Он нашёл письмо Вэй Дая, датированное 1998 годом. Вэй писал о «b-money» — анонимной распределённой электронной наличности. Протокол был простым: каждый участник ведёт свою базу данных о том, сколько денег у кого есть. Если кто-то пытается потратить больше, чем у него есть, остальные отвергают транзакцию. Нет банка. Нет сервера. Нет доверия. Только математика.

Дэвид перечитал письмо три раза. Потом открыл блокнот — тот самый, с треснувшей обложкой, который он начал в больнице после аварии, — и записал: «b-money: нет центра. Нет доверия. Проблема: как достичь консенсуса? Вэй не решил. Но идея — правильная».

Он нашёл письмо Ника Сабо о «bit gold». Сабо был осторожнее Дая. Он говорил о «цепочке решений», где каждое новое решение зависит от предыдущего. Он называл это «цифровым золотом» — не потому, что оно блестит, а потому, что его нельзя подделать. Дэвид записал: «bit gold: цепочка. Последовательность. Проблема: как сделать цепочку неизменной? Сабо не решил. Но идея — правильная».

Нашёл письмо Адама Бэка о «Hashcash» — системе доказательства работы, которую Бэк придумал в 1997 году, чтобы бороться со спамом. Идея была простой: чтобы отправить письмо, нужно решить вычислительную задачу. Решение занимает время, но проверка — мгновенна. Спамеры не могут позволить себе тратить время на каждое письмо. Дэвид записал: «Hashcash:

работа как доказательство. Проблема: как связать работу с деньгами? Бэк не решил. Но идея — правильная».

Он нашёл письмо Хэла Финни — человека, который в 1990-х годах написал «RPoW» (Reusable Proofs of Work), систему, которая позволяла обменивать доказательства работы на цифровые токены. Финни был не просто теоретиком. Он был программистом. Писал код. Он запускал его. Дэвид записал: «Финни: работает. Не только пишет. Запускает. Это важно».

Было и письмо, в котором кто-то — он не запомнил имя — предлагал объединить b-money и Hashcash. «Если мы сможем доказать, что потратили работу, — писал автор, — мы сможем доказать, что потратили деньги. И никто не сможет это подделать».

Дэвид закрыл ноутбук и посмотрел в окно. За стеклом была Флорида — пальмы, ветер, машины. Он думал о том, что все эти люди — Мэй, Дай, Сабо, Бэк, Финни — видели одну и ту же трещину. Они знали, что система, основанная на доверии, уязвима. Они знали, что банки лгут, правительства печатают деньги, а посредники берут свою долю. Они хотели построить систему, которая не нуждается в доверии. Систему, которая работает на математике.

Но никто из них не довёл дело до конца. Дай остановился на теории. Сабо — на концепции. Бэк — на спаме. Финни — на прототипе, который не масштабировался. Они были архитекторами, которые нарисовали чертежи, но не построили дом.

Дэвид открыл блокнот и перечитал свои записи. Потом взял ручку — слабыми пальцами, криво, но уверенно — и написал одну строку:

«Нужен один человек, который соединит всё. И запустит».

Он не думал о себе. Он думал о системе. О том, как она должна работать. И том, где трещина. Он закрыл блокнот, вернулся к экрану и начал читать следующий файл. В архиве было ещё двадцать лет разговоров. И где-то в них — он чувствовал — был ответ.

Он читал до трёх утра. Потом выключил ноутбук, откинулся на спинку коляски и закрыл глаза. За окном шумела Флорида. Он слушал этот шум и думал: список рассылки — это не просто письма. Это карта. Карта трещины. И он, Дэвид Кроу, только что нашёл её.

Он улыбнулся — впервые за много дней. Не потому, что было смешно. А потому, что чувствовал: он не один. Где-то там, в прошлом, были люди, которые видели то же, что и он. Они не дошли. Но они оставили следы.

Он пойдёт дальше. Он всегда шёл дальше.

--

Глава 9. Брат

Палм-Бич, Флорида, 2002 год

Арни Кроу никогда не понимал, зачем люди читают.

Он не был глупым. Он окончил школу, получил права, устроился в мастерскую и через десять лет стал старшим механиком. Он мог разобрать двигатель «Форда» с закрытыми глазами и собрать его так, что машина ехала лучше, чем с завода. Он знал, как звучит умирающий подшипник, как пахнет перегретая проводка, как выглядит трещина в блоке цилиндров, которую не видно снаружи. Он был мастером. Но книги, которые читал его брат, — книги без картинок, с длинными словами и формулами, — казались ему чем-то вроде шифра, к которому у него не было ключа.

Он приехал в субботу утром — как всегда, без звонка, с пакетом пончиков и бутылкой апельсинового сока. Дэвид открыл дверь — вернее, нажал кнопку, которая открыла дверь, потому что с коляски было неудобно дотягиваться до ручки. Арни вошёл, поставил пакет на кухонный стол и огляделся.

Квартира была маленькой, но чистой. Арни знал, что брат нанимает женщину, которая приходит два раза в неделю, — не потому, что не мог убрать сам, а потому, что не хотел тратить на это время. На столе стоял ноутбук с двумя мониторами. Рядом — блокнот с треснув-

шей обложкой, исписанный кривым почерком. На полке — книги: «Криптография», «Распределённые системы», «Теория игр». Арни не знал, что это значит. Он знал только, что брат читает их по ночам.

— Ты чего не спишь? — спросил Арни, садясь на стул.

— Работаю, — сказал Дэвид. Он был в коляске, у стола, с чашкой кофе, которая уже остыла. На экране мелькали строки кода.

— В субботу?

— В субботу тоже.

Арни вздохнул. Он привык к этому. Он привык к тому, что брат всегда занят, всегда думает о чём-то, чего Арни не понимает. Он открыл пакет с пончиками, взял один — с шоколадной глазурью — и откусил.

— Я слышал, ты сделал какую-то программу для NASA, — сказал он.

— Не для NASA. Для компании, которая делает системы для NASA.

— Какая разница?

Дэвид помолчал. Он смотрел на экран, потом повернулся к брату.

— Разница в том, кто платит. И кто контролирует.

Арни кивнул, хотя не понял. Он жевал пончик и смотрел на брата. Дэвид был худым, бледным, с кругами под глазами. Он выглядел старше своих лет — авария, больница, реабилитация, работа. Но глаза были те же, что в детстве: острые, внимательные, будто он всегда что-то вычислял.

— Ты когда-нибудь отдыхаешь? — спросил Арни.

— Отдыхаю.

— Когда?

— Когда сплю.

Арни засмеялся. Дэвид не засмеялся.

— Я серьёзно, Дэйв. Ты себя загнал. Тебе надо... — он поискал слово. — Жить. Гулять. Смотреть телевизор. Ходить в гости.

— Я не могу гулять.

— Я знаю. Но ты можешь смотреть телевизор.

— Телевизор — это шум.

Арни вздохнул и откусил ещё пончик. Он не знал, как объяснить брату, что жизнь — это не только системы и код. Что есть вещи, которые не нужно понимать, чтобы они были важными. Что пончики в субботу утром — это тоже система, только не та, которую можно записать в блокнот.

— Ты помнишь, как мы в детстве строили башню из кубиков? — спросил Арни.

Дэвид посмотрел на него.

— Помню.

— Ты всегда строил выше меня. И всегда злился, когда она падала. А я строил низкую, но крепкую. И она стояла.

— И что?

— И то, что ты всегда хотел построить что-то, что не падает. А я хотел построить что-то, что стоит. Разница в подходе.

Дэвид молчал. Он смотрел на брата, и Арни вдруг почувствовал, что сказал что-то важное. Не для себя — для Дэвида. Будто он случайно нажал кнопку, которая открыла дверь.

— Я строю систему, которая не упадёт, — сказал Дэвид наконец.

— Какую систему?

— Деньги. Новые деньги. Которые не зависят от банков.

Арни моргнул.

— Как это?

— Представь, что у тебя есть кошелёк. Но не бумажный. Цифровой. И в нём лежат монеты, которые нельзя подделать. И никто — ни банк, ни правительство, ни я — не может их отобрать или напечатать больше, чем есть.

Арни нахмурился.

— Это как кредитка?

— Нет. Кредитка — это обещание банка. А это — не обещание. Это математика.

Арни не понял. Он честно пытался, но не понял. Он видел, что брат говорит о чём-то важном, о чём-то, что его волнует, но слова проходили сквозь него, как вода сквозь сито.

— Звучит сложно, — сказал он.

— Сложно, — согласился Дэвид. — Но нужно.

— Кому?

— Всем. Или никому.

Арни вздохнул. Он взял ещё один пончик — с кремом — и посмотрел на брата.

— Ты всегда был таким. В детстве ты разобрал приёмник, чтобы понять, как он работает. Я думал, ты просто любопытный. А ты... — он показал на экран. — Ты хочешь переделать мир.

— Не переделать, — сказал Дэвид. — Починить.

Арни засмеялся — коротко, с грустью.

— Ты не можешь починить мир, Дэйв. Он не сломан. Он просто... такой.

— Тогда я его заменю.

Арни перестал смеяться. Он посмотрел на брата и увидел в его глазах что-то, чего раньше не замечал. Не упрямство. Не злость. Уверенность. Будто Дэвид уже видел будущее и знал, что оно наступит.

— Ты серьёзно, — сказал Арни.

— Серьёзно.

Арни помолчал. Он думал о том, что брат всегда был умнее его. Не в смысле оценок или дипломов — Дэвид не окончил колледж, — а в смысле понимания. Дэвид видел то, чего Арни не видел. И это пугало.

— Ладно, — сказал он. — Только обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Когда ты закончишь свою систему, ты мне её покажешь. И объяснишь. Не для того, чтобы я понял. А для того, чтобы я знал, что ты не сошёл с ума.

Дэвид посмотрел на него и улыбнулся — впервые за всё утро. Не той улыбкой, которую он дарил коллегам или врачам, а настоящей, которая появлялась редко.

— Обещаю.

Арни кивнул и встал.

— Мне пора. У Дженни родительский день в школе. Я обещал прийти.

— Иди, — сказал Дэвид. — Спасибо за пончики.

— Привёз бы больше, но ты всё равно не ешь.

— Я ем.

— Ты клюёшь. Как птица.

Арни направился к двери, но на пороге остановился и обернулся.

— Дэйв.

— Да?

— Ты не один. Я не понимаю твоих компьютеров, но я здесь. Если что — звони.

Дэвид кивнул. Арни вышел и закрыл за собой дверь.

Он спустился по пандусу, сел в машину и завёл двигатель. Он думал о брате всю дорогу до школы — о его словах, о его глазах, о том, как он сказал «тогда я его заменю». Арни не знал, что это значит. Но он чувствовал: это важно. Важнее, чем всё, что он слышал раньше.

Он приехал в школу, обнял Дженни, послушал, как она читает стихотворение, и подумал: может быть, однажды Дэвид построит свою систему. Может быть, она изменит мир. А может быть, ничего не выйдет. Но он, Арни Кроу, будет рядом. Потому что брат — это брат. Даже если он говорит о деньгах, которые нельзя потрогать.

Глава 10. InfraGard

Майами, Флорида, 2002 год

Приглашение пришло по электронной почте, и Дэвид сначала подумал, что это спам.

Тема: «Приглашение к участию. InfraGard. Партнёрство ФБР и частного сектора». Внутри — сухие строки о «защите критической инфраструктуры», «обмене информацией» и «совместных учениях». Дэвид прочитал письмо дважды, потом откинулся на спинку коляски и посмотрел в окно.

За стеклом был промышленный парк в Палм-Бич-Гарденс: серые стены, погрузочные доки, редкие машины. Он знал, что InfraGard существует с 1996 года — программа, созданная после взрыва в Оклахома-Сити, когда ФБР поняло, что не может защищать страну в одиночку. Нужны были глаза и уши в частном секторе. Нужны были люди, которые знают системы изнутри.

Дэвид знал системы изнутри. И ФБР это знало.

Он ответил на письмо через день. Не потому, что хотел быть частью чего-то. А потому, что хотел понять, как это работает. Он всегда хотел понять, как работает система, — даже если эта система была государственной.

Встреча прошла в конференц-зале Международного университета Флориды в Майами. Дэвид приехал на коляске, и организатор — крепкий мужчина в рубашке с галстуком, с лицом человека, который привык говорить негромко и слушать внимательно, — встретил его у входа.

— Мистер Кроу? — спросил он. — Я агент Холт. Спасибо, что приехали.

— Спасибо за приглашение, — сказал Дэвид. — Я давно хотел посмотреть, как устроена ваша система.

Агент Холт улыбнулся — коротко, понимающе.

— Наша система, мистер Кроу, — это вы. И люди в этом зале. Мы только координируем.

В зале было человек тридцать — руководители IT-отделов, специалисты по безопасности, консультанты, бывшие военные. Дэвид оглядел их и подумал: это не просто собрание. Это сеть. У каждого — доступ к системам, которые государство не может защитить само. И каждый — потенциальный союзник. Или потенциальная угроза.

Холт представил его коротко: «Дэйв Кроу. Компьютерная криминалистика. Securit-e-doc. Один из лучших в стране по шифрованию». Несколько человек обернулись. Дэвид кивнул.

После официальной части — докладов о защите энергосетей, о кибератаках на банки, о необходимости обмена данными — Холт подошёл к нему.

— Мы хотели бы видеть вас в качестве Sector Chief по информационным технологиям. Это не должность. Это роль. Вы будете связующим звеном между нами и частным сектором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.